

ДИСКУССИИ

РОЛЬ АРЕНДЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ XVII в.

А. Н. САХАРОВ

В процессе дискуссии по вопросу о расслоении крестьянства в России был поднят целый ряд важнейших вопросов, дана характеристика различных сторон жизни русского крестьянства, однако до сих пор вне поля зрения исследователей осталось такое важное явление, как аренда земли в крестьянском хозяйстве России XVII в.

В настоящей статье предпринята попытка суммировать имеющиеся в литературе данные о крестьянской аренде и расширить круг источников по этому вопросу за счет фондов Патриаршей вотчины¹, владения которой находились почти во всех центральных земледельческих районах страны.

Мы касаемся прежде всего увеличения крестьянами своего земельного фонда за счет вненадельных оброчных земель. Существовала и еще одна форма этого увеличения — перераспределение между крестьянами надельных, общинных земель².

Во всех случаях появление в руках крестьян дополнительных к надельному фонду земель (как в форме оброчных земель, так и за счет увеличения количества принадлежащих им тяглых земель) не меняло сущности феодальной земельной собственности. Крестьяне по-прежнему были лишь условными владельцами земли, являющейся «фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»³ и составляющей основу могущества и благосостояния феодальных собственников. Советские историки неоднократно подчеркивали в своих работах важность изучения складывания и развития феодальной земельной собственности для понимания общих закономерностей исторического развития русского государства периода феодализма. Однако их в основном интересовало, как по мере развития феодальной земельной собственности укреплялись феодальные производственные отношения, какое влияние оказывал этот процесс на формы эксплуатации крестьян, формы и уровень классовой борьбы, какое действие оказывало это на организацию феодального хозяйства и т. д. Меньше посчастливилось другим проблемам: как влияло перераспределение феодальной земельной собственности на благосостояние крестьянских хозяйств, на их взаимоотношения внутри общины, на отношения этих хозяйств с рынком, на расслоение крестьянства и т. д. Особенно важно поставить эти вопросы при изучении истории русской деревни XVII в., периода начала складывания всероссийского рынка, бурного роста товарно-денежных отношений.

На появление первых признаков аренды крестьянами вненадельных земель указал применительно к XV в. Л. В. Черепнин. Нам кажется весьма основательной его мысль о том, что «издельное серебро» того периода не исключает понятия уплаты оброка за землю⁴. Это были первые опыты в развитии отношений, начавших играть важную роль в крестьянском хозяйстве с XVII в. Крестьяне, в противовес желанию феодалов

¹ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2; ф. 236, оп. 5.

² Этот процесс происходил особенно интенсивно в периоды общего движения земельной собственности из рук одних феодалов в руки других в соответствии с определенными политическими переменами в стране.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 1, стр. 191.

⁴ Л. В. Черепнин. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. «Проблемы источниковедения», вып. IV, М., 1955, стр. 329.

использовать аренду земель для увеличения тяглого населения, стремились пойти своим путем, превращая оброчные земли в средство усиления хозяйственной независимости от земельного собственника, в основу для увеличения своего благосостояния.

* * *

Сравнивая процессы, прослеженные исследователями в самых различных областях страны в рамках примерно одного хронологического периода, получим следующую довольно убедительную картину.

А. А. Савич, исследуя землепользование крестьян Сумской волости, принадлежащей Соловецкому монастырю, отметил, что наличие в среде крестьянства зажиточной части в конце XVI — начале XVII в. непосредственно связано с сосредоточением именно в ее руках больших участков земель — долей обжи и соляных угодий — цревнов, переходящих из рук обедневших крестьян в руки более обеспеченной части деревни на правах тяглых земель. Указывает А. А. Савич и на такую форму увеличения крестьянами угодий, находящихся в их пользовании, как взятие на оброк у монастыря пахотных земель и сенокосов⁵. Именно на оброк, а не в тягло, А. А. Савич справедливо отмечает, что оброчные владения давали больше простора для хозяйственной инициативы крестьянства, чем тяглые, обремененные различного рода повинностями и денежными платежами.

Этот процесс мобилизации оброчных земель незначительной зажиточной частью крестьянских хозяйств усиливается в Соловецкой вотчине в связи с хозяйственным кризисом, вызванным шведским разорением в начале 90-х годов XVI в., в ходе становления хозяйства. «Наблюдая жизнь волости даже за такой небольшой промежуток времени (1594—1599), — пишет автор, — можно заметить, как буквально на наших глазах некоторые крестьянские хозяйства укрепляются, а другие, особенно мелкие, падают»⁶.

В связи с этими наблюдениями автора хочется остановиться еще на некоторых аспектах его исследования: факты весьма убедительно свидетельствуют, что Сумская волость была довольно бойким торговым районом. Сумский посад имел свою таможию⁷. Это нашло свое отражение в развитии в данном районе денежной формы ренты. Крестьяне старались выкупить у монастыря различные издельные повинности⁸. Имеет ли все это какую-нибудь связь с практикой аренды крестьянами монастырских земель и складывавшемся комплексом крупных крестьянских хозяйств, начинающих работать на рынке? На наш взгляд, определенную. Лишь при значительном уровне развития товарно-денежных отношений могли сложиться условия, когда взятие земель на оброк было выгодно крестьянским хозяйствам, могущим реализовать в сфере рынка излишки продукции. Эта же сфера давала крестьянину деньги для выплаты немалых оброчных сумм. Крестьяне активно боролись за право увеличить свои земли. При этом обращает на себя внимание недвусмысленная связь понятия благосостояния с наличием оброчных земель⁹.

Таким образом, в Соловецкой вотчине тяга крестьянства к аренде земель происходила на фоне развития товарно-денежных отношений и приобрела значительные масштабы в связи с кризисом конца XVI в. Эта аренда являлась одним из признаков интенсивной имущественной дифференциации крестьянства Соловецкой вотчины.

Отметим здесь, что под имущественной дифференциацией мы имеем в виду сумму фактов, связанных лишь с характеристикой материального уровня крестьянского хозяйства и не позволяющих сделать каких-то обобщений социального порядка, хотя не исключено, что сами эти факты при наличии иных компонентов (см. ниже) являются одним из признаков расслоения крестьян. Что касается последнего термина, то он, в нашем понимании, обнимает более широкий круг явлений и применим лишь тогда, когда налицо определенные социальные признаки той или иной группы крестьян. Можно ли назвать такое расслоение в применении к XVII в. буржуазным? Скорее всего — нет, так как расслоение этого типа уходит корнями в феодальные производственные отношения и определяется не развитием капиталистических начал в сфере аграрных отношений этого периода, а трансформацией самого феодального способа производства. Вместе с тем

⁵ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII в., Пермь, 1927, стр. 174, 175.

⁶ Там же, стр. 175. См. также стр. 182.

⁷ Там же, стр. 175.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 181.

расслоение крестьянства XVII в. имеет ряд черт, роднящих его с расслоением деревни эпохи капитализма, которое несомненно вырастает на его почве. Нам представляется правильным для определения этой специфики расслоения крестьянства в XVII в. термин «предкапиталистическое расслоение».

Факты взятия на оброк земель дополнительно к тяглым отмечал Г. Н. Образцов в хозяйстве Поморского Антониева-Сийского монастыря в XVII в. (причем на протяжении всего века, начиная с 40-х годов). Анализируя одну из порядных записей крестьян с монастырем на деревню Катаевскую, автор несколько недоуменно говорит: «Трудно сказать определенно, что привело этих крестьян в дер. Катаевскую. Судя по тексту порядной записи, они не были обедневшими людьми»¹⁰. Сравнивая подобные тенденции по другим владениям, можно сказать: эти крестьяне появились здесь именно потому, что они не были обедневшими. Оброчная земля арендовалась зажиточной частью крестьянства и сама была фактором дальнейшего усиления крестьянского хозяйства.

Аналогичные наблюдения можно сделать и на основе анализа данных Л. С. Прокофьевой относительно вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря¹¹. Мы встречаемся здесь с уже знакомым нам явлением взятия зажиточной частью крестьянства на оброк пахотных земель, пустошей, выходящих на долгое время «на льготу» и усиливающих тем самым хозяйственную мощность крестьянских хозяйств. Что касается усиления крепостнического гнета, то оно играло в этот период в условиях развивающихся товарно-денежных отношений роль своеобразной лакмусовой бумажки, проявляющей степень прочности крестьянского хозяйства. Говоря о переходе при оформлении «аренды» земель в XVII в. от порядных записей к поручис-порядным, введшим институт поручителей, Л. С. Прокофьева видит в этом также лишь отражение усиления крепостнического гнета¹². Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, нам хочется обратить внимание на другое: поручисные записи ярко свидетельствуют о расслоении крестьянства именно в сфере аграрных отношений. В самом деле, кто такие «поручтики»? Это наиболее зажиточная часть крестьянства монастырской вотчины. В одном случае несколько поручтиков были обязаны в случае нарушения порядником условий договора заплатить за него штраф в размере 5 р., в другом случае сумма возрастала до 15 р., в третьем — «поручтики» обязывались ответить сполна «за дворовую непоставку и за земельную нероспашку», а также вернуть взятые порядником семена¹³. Это утверждает представление о «поручтиках» как о разбогатевших «пахотных» крестьянах монастыря.

Об интенсивной имущественной дифференциации крестьянства на основе перераспределения земельных фондов говорят и данные А. Г. Манькова относительно хозяйства вотчинных крестьян Краснохолмского Антониева монастыря. Что такое здесь отдача «жеребьев» «на посилье»? Это то же самое, что увеличение участков тяглых земель в крестьянских хозяйствах Соловецкой вотчины, а «пожалования» — льготные и безоброчные, которые развились в вотчине особенно после хозяйственного разорения 70—80-х годов XVI в.¹⁴ — сродни льготной «аренде» земли, о которой мы уже упоминали выше. Характеризуя «посилье», А. Г. Маньков пишет: «Посилье являлось дополнительным источником доходов для собственника земли, следовательно, оно может быть расценено как одна из экономических функций феодальной собственности на землю. С другой стороны, такого рода сделка могла иметь место лишь при известной заинтересованности крестьянина; такая отдача носила некоторые черты купли-продажи, в результате чего крестьянин приобретал известные права владения участком, необходимые ему для развития его хозяйственной инициативы»¹⁵. Другими словами, мы наблюдаем здесь явления, характерные и для других вотчин, втянутых в сферу товарно-денежных отношений. Правда, в вотчине этого монастыря мы не встречаемся с широкой практикой «оброчных» земель. Неясны для нас здесь и связи крестьянских хозяйств

¹⁰ Г. Н. Образцов. Оброчные и порядные записи Антониева-Сийского монастыря. «Исторический архив», 1953, т. VIII, стр. 83, 84.

¹¹ Л. С. Прокофьева. Вотчинное хозяйство в XVII в., М.—Л., 1959, стр. 157, 161 и др.

¹² Там же, стр. 153, 157.

¹³ Там же, стр. 175, 177.

¹⁴ А. Г. Маньков. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI в. «История СССР», 1959, № 2, стр. 144.

¹⁵ Там же, стр. 142.

с рынком. Но не нужно забывать, что речь идет лишь о второй половине XVI в., о не крупной вотчине, расположенной вдалеке от торгово-промышленных центров.

Более определенно процесс мобилизации земель немногими крестьянскими хозяйствами прослеживается при изучении черносошной деревни. Это понятно. Здесь не ощущались с такой силой крепостнические преграды, как в вотчине или поместье. А. А. Преображенский в таблице, составленной на основании данных переписных книг начала XVIII в. по Кунгурскому уезду (Западный Урал), убедительно показал, что в руках небольшой группы крестьян уезда (2,9%) сосредоточивалось 12,1% всей пашни (10 дес. и более на одно хозяйство). А. А. Преображенский указывает на известную свободу отчуждения земельных владений, свойственную вообще черносошной деревне (конечно, здесь этот процесс был выражен более ярко, чем, скажем, в Спасо-Прилуцкой или Соловецкой вотчинах, хотя мы не видим между ними принципиальной разницы) и подчеркивает, что это давало возможность зажиточной верхушке, закабалая бедноту, постепенно прибирать к рукам земельные участки последней, что вызывало возникновение значительной группы безземельных и малоземельных крестьян, с одной стороны, и «прожиточных» многоземельных — с другой¹⁶.

В. Н. Шерстобоев, изучавший крестьянское землепользование в Илимском воеводстве, также отметил, что зажиточная часть крестьянства приобретала земли бежавших или разорившихся крестьян, а также «новые» земли на оброчных или «льготных» безоброчных условиях¹⁷. По-видимому, здесь этот процесс являлся первопричиной той пауперизации крестьянства, о которой говорили Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов¹⁸, и во многом определял отходничество в города. В. И. Шунков, критикуя В. Н. Шерстобоева за недооценку им уровня развития крепостнических отношений, указал в то же время, что отмеченные выше наблюдения автора характерны не только для крестьянства Сибири, но и для деревни центральных районов русского государства XVII в., когда «часть крестьянства при развитии товаризации хлеба уже могла производить накопление, что привело к образованию деревенской верхушки, применявшей уже наемный труд»¹⁹.

О широкой практике увеличения своих земельных владений зажиточными крестьянами говорит и Г. А. Ряпухина, исследовавшая землевладение XVII в. на Вятке. Г. А. Ряпухина отмечает, что это увеличение шло в основном за счет приобретения оброчных земель, которые «можно было продать, променять, завещать»²⁰.

Ю. А. Тихонов, анализируя положение половников Устюжского уезда в середине XVII в., отмечает, что некоторые из них увеличивали массивы обрабатываемой земли путем организации пашни «наездом», взятия земель «испелу» у нескольких владельцев сразу и применяли в своих хозяйствах наемный труд; появлялись даже «половники-вотчинники», обрабатывающие свои земли при помощи подрядчиков, рекрутирующихся из числа разорившихся безлошадных крестьян²¹. Н. В. Устюгов также отмечал, что перераспределение черносошных земель «вело к обезземеливанию бедноты и к сосредоточению земельных участков у богатой верхушки черносошной деревни»²². Необходимо отметить, что Устюжский уезд был также районом развитых товарно-денежных отношений и тенденция здешнего зажиточного крестьянства к увеличению фонда своих зе-

¹⁶ А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в., М., 1956, стр. 197—200.

¹⁷ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Пашня Илимского воеводства XVII — начала XVIII века, Иркутск, 1949, стр. 232.

¹⁸ См. Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Буржуазное расслоение крестьянства России XVII—XVIII вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 91.

¹⁹ «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 133.

²⁰ Г. А. Ряпухина. Оброчные земли на Вятке XVII в. Сб. «Русское государство в XVII в.», М., 1961, стр. 45. Может быть, автору следовало бы упомянуть, что на это обратил внимание еще Лаппо-Данилевский. (А. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований, СПб., 1890, стр. 19).

²¹ Ю. А. Тихонов. Имущественное положение половников Устюжского уезда в середине XVII в. Сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России», М., 1961, стр. 57, 59—60.

²² Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. «История СССР», 1961, № 6, стр. 61.

мель, по-видимому, непосредственно связана с развитием этих отношений. На этот же процесс применительно к землевладению северо-русских волостных церквей указала З. А. Огризко²³.

Мобилизация земель в руках зажиточного крестьянства шла в основном в виде аренды оброчных земель. Это была форма владения землей, наиболее созвучная хозяйственным устремлениям крестьянина и наиболее выгодная феодалному собственнику. Наличие свободных земель и свободных крестьянских рук было непременным условием этого процесса. Необходимо еще раз подчеркнуть, что тенденция к земельным арендам со стороны крестьянства прослеживается особенно четко там, где налицо уже было значительное для того времени развитие рыночных связей, где процесс общественного разделения труда вызвал потребность в специальных поставщиках сельскохозяйственных продуктов и где в связи с этим хлеб и другие продукты русской деревни прочно стали одним из предметов местного рынка²⁴. Однако процесс этот был медленным, а участие в нем крестьян затруднено феодально-крепостническими отношениями.

Таким образом, все приведенные данные заставляют признать наличие в XVII в. базы для будущего буржуазного расслоения русской деревни. Эта база складывалась быстрее и определеннее в районах черносошной деревни и слабее в районах вотчинного и помещичьего землевладения.

В XVIII в. аренда земель как крестьянами, так и феодальными собственниками получает все более широкое распространение и становится обычным явлением, характерным для уже складывающихся буржуазных отношений²⁵.

* * *

А теперь о новых материалах, которые, по нашему мнению, подтверждают и дополнительно иллюстрируют высказанные соображения.

Ни в одном из упоминаемых вотчинных хозяйств мы не видим такого количества земель, взятых крестьянами на оброк, как в Патриаршей вотчине²⁶. Откуда появились эти земли в самом центре государства, где давно закончился их раздел между феодальными собственниками? Во-первых, они рекрутировались за счет так называемых «пустых» церковных земель. Во-вторых, за счет запустевших вотчинных (домовых) земель.

Со времени патриарха Филарета традиция отвода земель к церквям для обеспечения духовенства превратилась в правило, которое соблюдалось вплоть до конца века. Церковные земли (от 10 до 20 дес. в поле) прирезались за счет черного крестьянского, поместного, вотчинного и монастырского землевладения. В условиях хозяйственных потрясений первой трети XVII в. пустели многие приходы, церкви стояли «без пения», а церковная земля оказывалась «в пуге». Патриаршья кафедра выступала наиболее решительным претендентом на эти пустующие земли. Овладение ими было одним из способов увеличения церковного землевладения²⁷. С 1620 г. Патриаршья кафедра

²³ З. А. Огризко. Землевладение северорусских волостных церквей в XVII в. «История СССР», 1961, № 3, стр. 76.

²⁴ Подобных явлений мы не наблюдаем, например, в вотчине А. И. Безобразова (см. А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М.—Л., 1929), которая была типичным натуральным хозяйством со слабыми рыночными связями, с барщиной как основной формой ренты и недостатком, в связи с этим, рабочих рук, со значительным объемом барской запашки и существованием многочисленных издольных повинностей. (См. А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 108, 133, 134, 140, 158, 160).

²⁵ См. об этом, напр., Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века. «Вопросы истории», 1956, № 11.

²⁶ Заметим, что вотчина московских патриархов, складывавшаяся на протяжении нескольких веков, являлась одним из крупнейших феодальных хозяйств своего времени. Владения вотчины были расположены в Московском, Владимирском, Звенигородском, Переяславском, Галицком, Двинском, Юрьевском, Муромском, Ростовском, Костромском, Суздальском, Тульском и других уездах и включали десятки крупных сел с тысячами к ним деревнями.

²⁷ Пожалуй, Б. Д. Греков был несколько неточен, утверждая, что в XVII в. «рост земельных приобретений церковью приостановился» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, М., 1954, стр. 358). В действительности, как это отметили Н. В. Устюгов и Н. С. Чаев, «в течение XVII в., несмотря на противодействие светских феодалов и принципиальную позицию правительства не увеличивать церковных вотчин, продолжался рост церковного землевладения». (Н. В. Устюгов, Н. С. Чаев. Русская церковь в XVII в. Сб. «Русское государство в XVII веке», М., 1961, стр. 300).

предприняла описание церковной патриаршей области, охватывающей центральные и наиболее крупные в хозяйственном отношении уезды страны. Цель его была выявить пустующие церковные земли, чтобы взять их в ведомство своего Казенного приказа и использовать в интересах казенного церковного дела. На первых порах так оно и было. Пустые церковные земли сдавались на оброк различным лицам, а поступающие оброки записывались погодно, потерриториально в книги Казенного приказа, образуя фонд приходо-расходных книг «пустовых» церковных земель (книги состояли из коротких записей: наименование участка земли и место его расположения, имя оброчника и его социальное положение, сумма оброка и сведения о его уплате). В дальнейшем кафедра стала превращать пустые церковные земли в свои домовые владения, тем более, что все церковные земли были выложены из государственного тягла²⁸. К тому же в мае 1625 г. царь Михаил предоставил патриарху по существу «carte blanche» на пустые церковные земли патриаршей области жалованной грамотой, где говорилось: «...Так же пожаловали патриарха Филарета Никитича. Вольно ему... в своей патриаршестве рушных и приходских церквей тех городов и уездов на попов и дьяконов и на церковные пустотные земли свою святительскую дань и оброк положить, чем он ...которых рушных и приходских церквей попов и дьяконов и на пустотных церковных землях жильцов и пустую землю данью своею и оброком изброчит»²⁹.

Присвоив себе право патроната над пустыми церковными землями, кафедра стремится превратить их в домовую вотчинную землю при помощи инициативы своих вассалов (патриарших детей боярских, патриарших монастырей) и вотчинных крестьян.

При помощи крестьянской аренды патриаршья кафедра закрепляла за собой пустые церковные земли в Юрьевском, Переяславском, Ржевском, Московском, Звенигородском, Белозерском, Владимирском уездах, где владения кафедры были особенно обширными³⁰. Иногда бывало так, что пустые церковные земли по челобитью патриарших крестьян отнимались у прежних оброчников и отдавались этим крестьянам. Так было с землей, принадлежащей церкви «Дмитрия Селунского» в Звенигородском уезде, которая была отнята у подьячего Матфея Култыкова и передана «из оброку» патриаршим крестьянам села Степановского этого же уезда К. Алексею и С. Михайлову. Пустошь в Юрьевском уезде, бывшая ранее на оброке за попом Никитой, была передана крестьянам села Косинского. Крестьяне села Пьяницына (Переяславский уезд) получили сенные покосы, бывшие на оброке за В. Потаповым³¹.

Тенденция к отдаче церковных земель на оброк «домовым» крестьянам и передача им этих земель от других оброчников прослеживается по приходо-расходным книгам оброчных пустовых церковных земель, начиная с 30-х годов XVII в. вплоть до конца столетия. Среди крестьян-оброчников, при помощи которых кафедра прибирает к рукам церковные земли, есть и те, кто берет оброчные участки дополнительно к своим старым землям, и так называемые «новые крестьяне», «новоселебные», под которыми документы понимают не столько вновь появившихся в патриаршей вотчине крестьян, сколько тех, кто вышел на новое место жительства и хозяйствование из других владений вотчины. В 1646 г. в Звенигородском уезде пустошь Спицыно, отнятая у прежнего держателя князя И. А. Воротынского, была отдана на оброк «новым крестьянам» села Степановского³². Спустя 40 лет эта пустошь все еще числится как оброчная земля «новоселебных» степановских крестьян³³. Еще интересней в этом смысле запись о даче на оброк «из селидбы» церковной земли в Юрьевском уезде на р. Кисти в 1642—1643 гг. крестьянину М. Еремееву. «И на той земле,— говорится в записи,— велено ему двор поставить и всяким дворовым строением устроить. А в тех оброчных деньгах для селидбы дано ему Мартыну льготы на два года... А как льготные годы отойдут и ему с той земли оброк давать по-прежнему и изделие делать со крестьяны вместе»³⁴. Как видим, церковная земля осваивалась как обычное вотчинное владение силами феодально зави-

²⁸ См. В. М. Сергеевич. Древности русского права, т. III, СПб., 1903, стр. 284.

²⁹ Государственная Библиотека им. В. И. Ленина (ГБЛ), Рукописный отдел, ф. Белева, № 1620, лл. 434об—435.

³⁰ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 12, 19, 55.

³¹ Там же, кн. 12, л. 44; кн. 19, лл. 201, 763об.

³² Там же, кн. 19, л. 942об.

³³ Там же, кн. 55, лл. 1351об.—1352.

³⁴ Там же, кн. 19, л. 232.

симого населения. Подобные же факты прослеживаются за 40—80-е годы XVII в. и в патриаршем вотчинном селе Пушкине, где крестьяне свыше 40 лет владели церковными землями безоброчно, «льготно» и лишь в 80-х годах стали уплачивать за них денежные оброки³⁵. Эти данные можно было бы умножить. В 1678—1679 гг. во время переписи патриаршей приказные, подсчитывая дворы в патриарших селах Владимирского уезда, писали, что там находится 327 дворов с теми, «что на церковных землях»³⁶. Таким образом, приказная терминология не отличает по существу церковных земель от вотчинных.

Представление кафедрой церковных земель на оброк своим крестьянам приводило к расширению территории патриаршей вотчины, росту и развитию ее хозяйства. В то же время параллельно с укреплением и расширением феодальных производственных отношений, к которым объективно вело освоение новых земель феодально зависимым населением, появление фонда новых земель в составе патриаршей вотчины содействовало предкапиталистическому расслоению крестьянства по принципу владения тем или иным количеством земли. В этом факте своеобразного «сотрудничества» феодальной организации и феодально зависимого крестьянства отразилось своего рода единство противоположностей, взаимосвязь, взаимозависимость антагонистических социальных сил феодального общества. Это «сотрудничество», как и классовая борьба крестьянства, являлось одним из факторов, содействовавших дальнейшему развитию феодальной способа производства (и это независимо от того как назвать это развитие «восходящим» или «нисходящим», «регрессивным» или «прогрессивным»: общество в целом не деградировало, а, несмотря на ряд отступлений, «одиозных» явлений и т. п. неуклонно продвигалось вперед).

Перед нами целая группа записей, по разным книгам, за разные периоды, но удивительно похожих друг на друга: короткие справки о взятии крестьянами на оброк церковных «пустовых» земель в дополнение к своим тяглым участкам. Обращает на себя внимание тот факт, что небольшие участки земли за малые суммы берут, как правило, несколько крестьян одновременно³⁷. Это — аренда общиной, аренда, продиктованная острой нехваткой земли. Большинство этих оброчников увязает на долгие годы «в доимке». В 50—60-е годы крестьяне Гаврилка Григорьев «с товарищи» держали на оброке церковные земли в Белях (Московский уезд), задолжав оброчную годовую плату (3 алт. 3 д.) за 15 лет. Подобные же факты можно проследить и относительно патриаршего села Троицкого. В 50—60-е годы крестьяне Андрюшка Иванов «с товарищи» держали на оброке (30 алт. 2 д.) церковные земли в Звенигородском уезде, задолжав оброк за 12 лет (с 1655 по 1677 гг.). Крестьяне Андрюшка Власов «с товарищи» в эти же годы владели из оброка церковными землями в Звенигородском уезде, задолжав платежи с 1662 по 1667 гг.³⁸ Крестьяне села Косинского (Звенигородский уезд) Юрка Кузьмин и Фомка Тимофеев «с товарищи» держали на оброке в 40—70-е годы церковные земли и пустоши в Звенигородском уезде (отдельные участки стоили им: 14 алт. 2 д.; 7 алт.; 18 алт. 2 д.; 8 алт.; 2 гривны; 22 алт. 4 д.). Платили они неисправно, без конца оказываясь «в доимке», тянувшейся долгие годы³⁹.

Часто встречаются записи, где говорится о взятии на оброк «пустовых» церковных земель отдельными крестьянами за столь же мизерные суммы. Так, крестьянин деревни Шелуховой (Московский уезд) М. Иванов держал на оброке (10 алт.) пустошь поблизости от своей деревни; Шастачок Шарыгин арендовал (12 алт. 2 д.) церковные земли на Тихмене (Рузский уезд). Крестьяне патриаршего Покровского монастыря Якушка Степанов и Ивашка Дмитриев держали на оброке в конце 30—40-х годов зем-

³⁵ Там же, кн. 19, лл. 1200, 1204, 1210; кн. 55, лл. 155об., 440, 759, 1126, 1474; кн. 94, л. 190; кн. 109, лл. 122об., 123.

³⁶ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 40, л. 15.

³⁷ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 135, 137, 139, 146, 155, 440, 442, 442об., 444, 759, 761, 763, 773об., 1127об., 1130, 1138об., 1475, 1486об.; кн. 94, лл. 190, 193; кн. 95, л. 307; кн. 109, лл. 50, 122об., 123, 253об., 256.

³⁸ Там же, кн. 55, лл. 6об., 31об., 170, 442, 477, 650, 800, 853, 997, 1164, 1356, 1312об., 1514.

³⁹ Там же, кн. 19, лл. 29, 29об., 30, 138—138об., 145, 144об., 281—281об., 398—398об., 538—539об., 663, 819об.—820об., 1102об., 1104; кн. 55, лл. 643, 644; кн. 94, лл. 10об., 21, 22; см. так же кн. 19, лл. 308, 1198об.; кн. 55, лл. 7, 310об., 618—618об.; 953об., 1313об.; ф. 236, оп. 5, кн. 63, лл. 15, 35об.

лю во Владимирском уезде (11 алт. 2 д.), задолжав за ряд лет⁴⁰. Почти во всех случаях сумма не превышает 20 алт., и всюду оброчному держанию сопутствует недоимка.

Таким образом, в ходе освоения церковных земель выделялись аренды общинные и отдельных крестьян, арендующих небольшие участки земли за малые суммы индивидуально или сообща (это очень напоминает складничество, отмеченное А. Г. Маньковым⁴¹), что, однако, не позволяло крестьянам выйти из нужды, как об этом свидетельствуют статьи недоимок⁴².

Церковные земли были лишь одним из фондов для крестьянских аренд. Другим таким фондом являлись непосредственно домовые патриаршьи земли. Здесь снова необходимо вспомнить о тяжелом состоянии русского сельского хозяйства в первой трети XVII в., в результате чего в составе многих вотчин, в том числе и патриаршей, появлялись заброшенные, поросшие лесом участки земли, ставшие источником хозяйственных устремлений крестьянства в период становления русской экономики, которое явственно ощущается с 30-х годов XVII в.

В 30—40-е годы крестьяне Вятской волости держали на оброке сенные покосы. В 30-е годы оброки «с пустошей и с сенных покосов и за пашню» платили кафедре крестьяне сел Одноушева, Сабурсва, Игнатовского, Дмитровского, Пушкина, Троицкого. В 40-е годы крестьяне Карашской волости также держали на оброке патриархии пустоши, а от 1666 г. есть сведения о том, что за оброчные пустоши в этом районе крестьяне Чашницкой и Синилицкой третей вели упорную борьбу. В 30—40-х годах «пустошные пашни» и сенокосы арендовали крестьяне Баглачевской волости. От 90-х годов поступают записи об арендах домовых земель крестьянами сел Никольского, Воробьева (Можайский уезд), Бродницы и Порецкого (Владимирский уезд) и др.⁴³

Пока для нас важен не столько характер этих аренд, сколько факт их массовости, обычности для XVII в., начиная примерно с 30-х годов, превращения этих аренд в неотъемлемую часть как крестьянской, так и владельческой экономики. Там, где налично такая тенденция, несминуемо в условиях развития товарно-денежных отношений должны были выделиться крупные держания. Так оно и случилось.

На фоне массовых оброчных общинных держаний отдельными яркими пятнами выделяются индивидуальные аренды крестьян за значительную оброчную сумму. Так, крестьяне села Троицкого Данилко Киприянов и Иван Шаралов в 60-х годах держали на оброке за 1 руб. 3 алт. 2 д. церковные земли с отхожими пустошами в Московском уезде. В 90-е годы за крестьянином села Озерецкого М. Степановым числились оброчные пустоши. Сумма оброка равнялась 2 руб. 10 алт. В Григорьев из этого же села платил оброк 1 руб. 16 алт. 4 д. за две пустоши. Крестьянин с. Игнатовского Л. Семенов в 80—90-е годы владел за оброчную плату в 2 руб. 31 алт. 4 д. пустошами Павликовой и Дубининой. Братья Я. и Д. Юрьевы из села Владыкино в 90-е годы взяли на оброк сроком на пять лет пустоши за 5 руб. в год⁴⁴. В 80—90-е годы в фонд патриарших земель, отдаваемых в оброчные держания, были вовлечены Павловские пустоши в Переяславском уезде (по-видимому, также бывшая церковная земля)⁴⁵. Среди мно-

⁴⁰ Там же, ф. 236, кн. 25, л. 171; ф. 235, оп. 2, кн. 55, лл. 196, 1195, 1547об.; кн. 19, лл. 94об., 333, 590, 874об., 1025, 1303об.

⁴¹ А. Г. Маньков. Указ. соч., стр. 141.

⁴² Сумма оброка может здесь являться определенным, правда, не совсем точным признаком величины земельного участка. Так, по некоторым записям удалось установить, что, например, в Переяславском уезде за 15 алт. можно было арендовать 5 дес. земли и сенокос, с которого накашивалось 10 копен сена (ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 109, л. 265об.), за 25 алт.— 8 дес. земли и сенокос с 20 копнами сена (кн. 55, л. 255); 2 руб. в год стоило здесь же оброчное держание в 20 четв. пашенной земли в поле (кн. 19, л. 462); в Можайском уезде 3 алт. платилось за 2 дес. пашни и сенокос, с которого скашивалось 10 копен сена (кн. 109, л. 312).

⁴³ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 10, лл. 813, 814; ф. 236, оп. 5, кн. 9, лл. 123об., 140, 144об.; кн. 16, л. 463; кн. 25, лл. 209, 210об.; кн. 60, лл. 81об., 82.

⁴⁴ Там же, ф. 235, оп. 2, кн. 55, л. 635об.; ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 47, 92—93, 166, 167об., 168об.; кн. 63, л. 36.

⁴⁵ Пользуясь случаем, заметим, что понятие «пустошь» далеко не всегда означает «пустая», «целинная» земля. Нередко под пустошью разумелись сложные комбинации различных земель и угодий. Часто по традиции именовались пустошами когда-то запустевшие, но уже давно ставшие культурными участки земли.

гих мелких аренд этих земель выделяется в 80—90-е годы оброчное держание А. Абакумова, крестьянина патриаршей деревни Рожновой Карашской волости. За 4 руб. 16 алт. 4 д. в год он взял на оброк 10,5 дес. земли. А. Абакумову было разрешено сечь имеющийся под рукой лес «про свою нужду, а на сторону и на продажу сечь не велено»⁴⁶. Любопытно, что идентичное условие мы встречаем и при оформлении аренд в Антониево-Сийском монастыре в XVII в., где крестьянам наказывалось, что во время эксплуатации участка они не имеют права «в те жилые годы... на сторону сена продавать»⁴⁷. Тенденция крестьянства к расширению товарности своего хозяйства встречает противодействие феодальной организации, заинтересованной в нивелировке крестьянских хозяйств. Хотя упоминание о «продаже» не позволяет сделать каких-то определенных выводов, однако сам факт его появления рядом с перечислением довольно значительных земельных угодий указывает на некоторую связь размеров держания и торговых устремлений его владельцев.

Связь расширения системы оброчных держателей с развитием вотчинного хозяйства несомненна. В фондах патриаршего Дворцового приказа сохранились документы, показывающие, как в этом случае смыкались интересы феодального владельца и крестьянина. Как правило, в начале аренды участок земли, сдаваемый на оброк,— это или целина, или лес, или сенокос, или «старая распашь», т. е. такой участок, к которому необходимо приложение значительного количества труда. Эти земли патриаршая кафедра раздает «под селидьбу», «из рощистики» и т. д., давая их владельцам значительные льготы, чтобы затем сделать эти участки либо оброчными (что было выгодно крестьянам), либо тяглыми, к чему, как правило, стремилась феодальная организация⁴⁸. В этом случае возможно, что сведения об оброчной задолженности крестьян гсворят не только о хозяйственном положении крестьянства, но и о его стремлении либо как можно дольше сохранить льготное status quo, либо, как максимум, пойти на уплату оброка, не допуская дело до положения участка в тягло.

Среди оброчных держаний на домовых землях мы видим такие, которые появлялись в результате малоземелья, «утеснения» крестьян (в этом случае участок невелик, сумма оброка мала)⁴⁹, их большинство. Гораздо реже встречаются держания другого типа — значительные земельные владения за сравнительно большие суммы. В 40-е годы крестьянин села Пьяницына А. Михайлов держал на оброке (3 руб.) «пустошную пашню» и сенокосы патриаршего села Ильинского, причем оброк платил исправно. В 60-е годы крестьянин села Трещинского Д. Киприянов платил оброк (1 руб. 3 алт. 20 д.) за отхожие пустоши Гридниковы и церковную землю. От 80-х до 90-х годов дошли сведения об оброчном держании крестьянами С. Обросимовым (село Озерецкое) и Ф. Юрьевым (село Владыкино) половины пустоши Марфиной (1 руб. 16 алт.); трое крестьян села Владыкина платили за пустоши, взятые ими «на покос» (16 руб. 16 алт. в год); двое крестьян села Романовского держали на оброке «из рощистики» за 4,5 руб. пустоши Кулишку и Владыкову. Любопытна запись о сдаче на оброк (16 алт. 4 д.) крестьянину патриаршего Новинского монастыря И. С. Кабанову пустоши Хотяиновой под Москвой. Он мог владеть пустошью, пахать здесь землю и косить сено до тех пор, пока она не будет отдана кому-нибудь «в тягло»⁵⁰. Эта запись ясно говорит о том, что оброчное держание было лишь дополнением к основному хозяйственному комплексу крестьянских владений (в том случае, если оно не бралось «под селидьбу»).

Особый интерес вызывает сообщение источника о «домовом оброчном» крестьянине патриаршего Новинского монастыря И. Семенове, который держал на оброке (15 р. в год) участок земли близ подмонастырской слободы⁵¹. В этом случае землю арендует

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 57, л. 82об.— 83, 284.

⁴⁷ См. Г. Н. Образцов. Указ. соч., стр. 87.

⁴⁸ См., напр., ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 25, лл. 223, 223об., 310, 311об.; кн. 60, л. 31об.; кн. 58, лл. 67, 87, 111об.— 112, 119об.

⁴⁹ Показательной в этом смысле является «оброчная» деятельность в 80-е годы крестьян патриаршей деревни Ивашевой (Переяславский уезд). Многие из них сидели на крохотных участках с пятью, четырьмя, тремя сыновьями, которые вынуждены были уходить от отцов селиться на оброчные земли (ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 33, лл. 91, 91об., 93, 94, 95).

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 55, л. 161; ф. 236, оп. 5, кн. 9, л. 134об.; кн. 25, лл. 44об., 48, 164, 309.

⁵¹ Там же, ф. 236, оп. 5, кн. 90, л. 268.

крестьянин, не несущий иных повинностей по отношению к кафедре, кроме денежного оброка, и, следовательно, более независимый, чем те, кто нес на своих плечах весь комплекс тягла. Одновременно надо учесть, что «подмонастырская слобода» являлась бойким торговым местом. Связь земельной аренды с предпринимательством, торговлей здесь, как нам представляется, несомненна. В этом же плане следует рассматривать и запись, говорящую о том, что Новинский монастырь сдает на оброк торговые места, огороды, мельницы, пашню, покосы крестьянам патриаршего села Сабурова⁵².

Однако все эти данные так и остались бы лишь иллюстрацией к процессу имущественной дифференциации крестьянства, который наблюдался и в то время, когда ни о каком генезисе капитализма не могло быть и речи, если бы не определенная связь этих фактов с другими явлениями. Вместе взятые они свидетельствуют о том, что перед нами предкапиталистическое расслоение крестьянства.

Прежде всего здесь следует сказать о том, что мобилизация земельных владений частью крестьянства неукоснительно связывается в документах с процессом выделения деревенской верхушки, закабаляющей бедных крестьян. В этом смысле классической является запись патриарших дьяков, сделанная в 1694 г. во время описания патриаршей Карашской волости (Ростовский уезд), видимо, в связи с челобитьем беднейшей части населения волости на «прожиточных» крестьян: «А на семьянистых и на прожиточных крестьян тягло наложили,— говорит дьячая запись,— чтоб семьянистые и прожиточные крестьяня перед скудными в избытке не были и лишних оброков и в мирские поборы на скудных крестьянях ничего не чинили и не корыстовались. И у сторонних заволостных людей пашни и сенных покосов не нанимали, и не пахали, и сена не косили. О том им всем крестьянам приказали накрепко»⁵³. Здесь совершенно четко прослеживается мысль о том, что именно послабление от тягла вместе с фактом эксплуатации оброчных земель обеспечивает крестьянину «прожиточность». Видимо, хозяйничанье «прожиточных» крестьян, усиливающих мощь своих хозяйств за счет оброчных земель (в данном случае выступают земли заволостных людей, а не патриаршей кафедры, что в принципе не меняет дела), приводило к такому давлению на остальную часть волости, что потребовалось даже законодательное вмешательство феодальной организации. «Мир» стремится воспрепятствовать расслоению крестьянства, и при помощи патриаршей администрации прилагает усилия к тому, чтобы нивелировать уровень благосостояния своих членов⁵⁴.

Аренда оброчных участков отдельными крестьянами вызывала противоречия в деревенской среде. Известен факт, когда крестьянин села Стоянца (Кашинский уезд) обратился к патриарху с просьбой защитить его интересы против односельчан, гонящих скот и травящих хлеба на его «наемных», т. е. оброчных пустошах. Просьба была удовлетворена патриаршей администрацией⁵⁵.

А теперь коснемся другой стороны вопроса, которая, на первый взгляд, не имеет отношения к аренде крестьянством земельных участков — самого факта деления на крестьян «скудных» и «прожиточных». Что стоит за этими терминами? Прежде всего определенная связь этих категорий крестьян именно с земледельческим производством. В патриаршей деревне Офонасовой (Вятская область, Костромской уезд) в 70-е годы жил «прожиточный» крестьянин А. Федосеев, имевший в своем доме различного рода крепости, купчие, записи, кабалы, духовные памяти⁵⁶. Можно вполне предположить, что хозяйство его было связано именно с земледелием, так как торгово-промышленная прослойка крестьян выходила обычно из крупных торговых, промышленных сел. Весьма знаменательным является упоминание в одной из записных книг челобитья патриаршего оброчного крестьянина А. Леонтьева «о побеге от него ево крепостного работника Ганки Михайлова с женою. Взяли жемчуга — 18 золотников» и 11 руб. денег⁵⁷. Что такое «оброчный крестьянин» — мы уже знаем. А вот сведения о применении в хозяйстве таких крестьян труда работников — это факт новый. На основании этой записи, конечно, трудно делать какие-то определенные выводы, но несомненно

⁵² ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 69, лл. 7, 38, 39, 41, 79об.

⁵³ Там же, кн. 48, л. 6.

⁵⁴ См. там же, кн. 16, л. 315 (1664 год).

⁵⁵ Там же, кн. 58, л. 93об.

⁵⁶ Там же, кн. 40, л. 67.

⁵⁷ Там же, л. 602об.

одно: именно в оброчных хозяйствах как в земледелии, так и вне его скорее создавались условия для применения наемного труда. Наконец, на фоне множества «скудных» крестьян вотчины, которые без конца занимают «хлеб» то у патриаршей администрации, то у своих богатых односельчан⁵⁸, мы видим другую группу крестьян, ссужающих хлебными семенами своих односельчан и продающих в значительном количестве свои хлебные излишки. Так, патриаршая кафедра в 1662 г. закупила 22 четверти овса у крестьянина села Спасского (Владимирский уезд) М. Филиппова, в 1693 г. 16 четвертей пшеницы и 22 четверти ячменя у крестьянина села Пьяницына И. Мелентьева, 8 четвертей пшеницы у крестьянина села Сеславского С. Кондратьева (Владимирский уезд), 42,5 четверти ячменя у крестьянина села Ильинского В. Михайлова и т. д.⁵⁹. Причем отмечается, что и пшеница, и ячмень, и овес были «добрыми» и шли или на «крупчатую» муку (пшеница) или на солод (ячмень). Крестьянин села Пушкина Л. Киприянов продал в 1677 г. кафедре «про домового обиход» три стога сена на значительную сумму в 16 руб.⁶⁰. Речь идет, несомненно, не о перекупщиках, а о непосредственных производителях, выделившихся из числа рядовых крестьян. Об этом говорит принадлежность того или иного крестьянина к определенному патриаршему владению — селу или деревне. Кроме того, в источниках чередуются записи о покупке хлеба и других продуктов сельского хозяйства как у отдельных крестьян, так и у групп крестьян (имя рек «с товарищи»), что, несомненно, указывает на связь с земледелием как этих групп, так и отдельных лиц именно в этом районе.

На систематическую связь «пашенных» крестьян с торговой деятельностью указывают и сведения о продаже в пределах патриарших владений так называемого «домашнего хлеба», т. е. хлеба, поставляемого на рынок непосредственно крестьянскими хозяйствами. Хлеб крестьянских хозяйств регулярно поступал, в частности, на большой торг Осташкова. В сентябре 1670 г. крестьянин Я. Степанов оброчился торговать здесь «домашним хлебом, а не скупным»⁶¹. Интересны и сведения о сборе пошлин в «воскресные торговые дни», «с привозного со всякого мешешного хлеба с уездных крестьян»⁶². Часто в Осташкове продавался хлеб «уездной купли», т. е. купленный у крестьян перекупщиками по патриаршим, да и не только патриаршим, селам и деревням. Эти факты связаны не только с Осташковым. «Хлебная продажа» имела место в патриаршей Вятской волости (Костромской уезд)⁶³, торговые пошлины регулярно собирались в селах Пушкине, Троицком и других, крестьяне которых активно брали на оброк пашни и сенокосы.

Связь между этими явлениями нам представляется весьма тесной. Эти факты, как нам кажется, нельзя рассматривать изолированно от участвовавших «аренд» земель, от появления крупных крестьянских земельных держаний. Оброчное держание, увеличение тяглого надела, укрепление связи с рынком крупного крестьянского хозяйства, усиление экономического давления со стороны богатых крестьян на своих бедных односельчан, наконец, зарождение противоречий между этой беднотой и верхушкой деревни — все это звенья одной цепи, указывающие пути, какими шло формирование предкапиталистических отношений в русской деревне. Феодальные производственные отношения придавливали этот процесс, и все-таки он прослеживается на протяжении XVII в. начиная примерно с 30-х годов. Речь может идти лишь о степени его яркости и отчетливости, о его масштабах и темпах.

В одном ключе с арендами пахотных земель и сенокосов звучат и факты аренды крестьянами патриарших сел и деревень земель под строительство мельниц. Мельничные аренды, как и вообще аренда в XVII в., — явление также повсеместно распространенное в центральных районах государства. Мельницы и земли под будущие мельницы арендуются как крестьянскими общинами, так и отдельными крестьянами. В первом случае мы видим тенденцию общины добиться независимости от феодального

⁵⁸ Там же, кн. 63, л. 162, кн. 56, лл. 330б., 331, 332, 332об.; кн. 58, лл. 543, 634об. и т. д.

⁵⁹ Там же, кн. 25, лл. 390, 432об., 438, 455.

⁶⁰ Там же, кн. 32, л. 273об.

⁶¹ Там же, кн. 24, л. 13.

⁶² Там же, лл. 63об.—64.

⁶³ Там же, кн. 25, л. 23.

собственника в важной хозяйственной акции — помоле зерна, во втором — стремление отдельных более сильных хозяйств встать на путь предпринимательства. «Мельничное дело» патриаршьи крестьяне начинают, имея уже значительные по тем масштабам средства. А патриаршья кафедра с удовольствием идет на эти аренды, видя в них средство для развития производительных сил вотчины, получения добавочных прибылей.

Имеются факты о многочисленных арендах мельниц крестьянами патриаршских сел Спасского и Ватрасы (Нижегородский уезд), Пушкина, Троицкого (Московский уезд), Романовского (Переяславский уезд), Порецкого (Владимирский уезд) и других. Любопытно, что это те же самые села, где отмечались факты многочисленных земельных аренд. Однако сам характер мельничного держания, требующего значительных средств и приложения квалифицированного труда, приводит к тому, что аренды общиной здесь не так многочисленны, как при оброчных земельных держаниях, зато чаще встречаются случаи индивидуальных аренд. Заметим при этом, что приказная терминология различает при оформлении аренд тех, кто давно уже специализируется в области мельничного дела — таких людей документы именуют «мельниками» — и тех, кто входит в эту сферу из земледелия. Это «крестьяне»⁶⁴. Крестьянские аренды мельничных мест и мельниц «на ходу» прослеживаются в патриаршей вотчине с 30-х годов и до конца XVII в. Особенно часты они в 80—90-х годах. В этом потоке также выделяются крупные индивидуальные держания. Причем к концу века размеры арендной платы значительно возрастают как за счет увеличения размеров и хозяйственной ценности держания, так и за счет увеличения аппетитов земельного собственника⁶⁵.

В документах нередко упоминается о передаче мельниц «из наддачи», т. е. с повышением нормы оброка от одного крестьянина к другому⁶⁶. «Наддача» вообще была явлением распространенным и свидетельствовала о значительном расслоении крестьянства, часть которого, более мощная в хозяйственном отношении, «перебивала» аренды у менее состоятельных собратьев. На это обратил внимание также Г. Н. Образцов, изучавший вотчинный архив Поморского Антониево-Сийского монастыря⁶⁷.

Однако нельзя думать, что аренда являлась во всех этих случаях предпринимательством, выходящим за рамки феодальных производственных отношений. Как и земли, мельницы и мельничные строения являлись собственностью феодальной организации. Труд и инициатива крестьян только на время привлекались к этой собственности в интересах феодальной организации. Во всех случаях кафедра довольно свободно распоряжалась трудом и личностью арендатора. Даже тогда, когда она удовлетворяла челобитье крестьян об аренде, форма договора носила со стороны кафедры распорядительный и принудительный характер⁶⁸.

Арендные держания мельниц являлись существенным моментом в создании условий для дальнейшего расслоения крестьянства, для приложения в сфере предпринимательства крестьянских накоплений и инициативы.

Вместе с арендой пахотных земель, сенокосов, мельниц можно отметить массовый характер крестьянских оброчных держаний, рыбных ловель, бортных угодий и также найти среди них крупные индивидуальные держания⁶⁹.

Общая тенденция к увеличению отдельными хозяйствами комплекса своих земельных угодий захватила и наделные земли, стала проникать в глубь крестьянской общины. Стремление отдельных крестьян к увеличению тяглых участков проглядывается повсеместно. Они пользуются для этого любым случаем. Формально землей распоряжалась община, но по существу жизнь вносила в эту схему свои коррективы. Подобные явления уже отмечены советскими исследователями. В частности, Г. Н. Образцов отмечал случаи обмена и купли-продажи земель крестьянами, а также факты длительного пользования наделными участками со стороны отдельных крестьянских семей во владениях Антониева-Сийского монастыря⁷⁰. По материалам патриаршего

⁶⁴ См., напр., ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 9, лл. 110—110об., 111; кн. 25, л. 5.

⁶⁵ Там же, кн. 9, лл. 135, кн. 25, лл. 129об., 225, 252, 308 об.; кн. 40, л. 172об.; кн. 84, лл. 171, 171об., 365 об.; кн. 90, л. 43; кн. 104, лл. 26, 36об.

⁶⁶ См., напр., там же, кн. 25, лл. 292, 292об.; кн. 9, л. 113.

⁶⁷ Г. Н. Образцов. Указ. соч., стр. 87.

⁶⁸ См. ЦГАДА, ф. 235, оп. 2, кн. 19, л. 218об.; кн. 94, л. 3.

⁶⁹ См. напр., там же, кн. 55, лл. 116, 274об., 1091, 1281об., 1448.

⁷⁰ Г. Н. Образцов. Указ. соч., стр. 82, 84, 85, 90.

землевладения также прослеживаются факты отчуждения наделных земель в XVII в. От 1680 г. доходит факт о продаже крестьянином дер. Окатово Вятской волости (Костромского уезда) Е. Ефимовым крестьянину этой же волости В. Филатову «пашенного жеребья» «со всякими угодьями и з двором и с хоромы и с огороды и со всяким строением». Причина — моровое поветрие. Сделка была оформлена купчей грамотой. В 1669 г. в Кашинские села в ответ на челобитье был направлен приказ из Москвы о передаче крестьянину З. Иванову «тяглою жеребеем» «по записи дяди ево» П. Михайлова. Этим «жеребеем» завладел было крестьянин С. Федосеев. От этого же периода времени доходит разбор дела между несколькими крестьянами патриаршего Воскресенского Череповецкого монастыря «во владенье отца своего жеребьем и дворовым строением»⁷¹. Эти факты указывают, что отчуждение наделных земель было делом вполне реальным. Причем формы этого отчуждения были самыми различными: наследование, купля-продажа, обмен. В этих формах лишь утверждалась борьба за землю внутри класса крестьянства, борьба, которая была вызвана в XVII в. не только острой нехваткой земли, необходимой для поддержания минимума жизни крестьянской семьи, но и развитием товарно-денежных отношений, стремлением отдельных крестьянских хозяйств к расширенному товарному воспроизводству. Эта борьба расшатывала общину и вызывала тревогу как у феодального собственника, так и у самого «мира».

В 1665 г. в Москве была подписана память в Ростовский уезд в ответ на челобитье крестьян Синилицкой трети Карашской волости на крестьянина старесту С. Алексеева «с товарищи», которые «отдали мирскую свою пустошь Осминину в тягло деревни Борушки крестьянам» — 2 человекам и не дают владеть им этой пустошью. Кафедра указала вернуть пустошь «миру»⁷². Попытка усиления одних хозяйств за счет общинной земли, взятой в аренду, здесь кончилась неудачей. Однако дело не всегда кончалось столь мирно. Общинные земли становятся объектом жестокых противоречий. Документы упоминают о борьбе за землю в 60-е гг. между крестьянами сел Бродницы и Сеславского (Владимирский уезд), крестьянами двух половин деревни Запрудной Баглачевской волости, сел Пьяницына и Ильинского, крестьянами нескольких деревень Карашской волости из-за пустоши Круглицы⁷³ и т. д. Тщетны были призывы вроде тех, с которыми обратились крестьяне дер. Ивашевой (Переяславский уезд) к кафедре: «поверстать их в земле» с крестьянами деревни Петроковы «во всех полях поровну. А будут станут учинятся сильны и им чинить наказанье, или за поруками присылать к Москве»⁷⁴. Никакими указами и памятями нельзя было остановить начавшийся процесс борьбы за наделные земли внутри «мира». Из дошедшей до нас записной книги, относящейся к 60-м годам XVII в., видно, какой ожесточенный и широкий характер носила эта борьба⁷⁵.

Таким образом, и в пределах общины, в рамках наделного землевладения начинали зарождаться тенденции, которые особенно ярко проявлялись на оброчных землях: стремление крестьянства увеличить размеры своих участков, что было под силу лишь состоятельным хозяйствам. При этом использовались как легальные приемы, так и откровенный захват, вызывавший резкую реакцию «мира».

Эти факты, как нам кажется, также нельзя рассматривать изолированно от участвовавших «аренд» земель, от появления крупных крестьянских земельных держаний.

Превращение аренды земли крестьянством из случайных фактов в прочно сложившуюся систему отношений в русской деревне XVII в., формирование на этой основе хозяйств, тесно связанных с рынком, переходящих к расширенному воспроизводству, — явления, которые нельзя игнорировать при изучении начального этапа генезиса капиталистических отношений в сфере аграрного производства. Мобилизация земель крестьянством в XVII в. явилась в условиях бурного развития товарно-денежных отношений важным этапом в создании предпосылок для будущего буржуазного расслоения деревни.

⁷¹ ЦГАДА, ф. 236, оп. 5, кн. 16, л. 741; кн. 40, л. 159об.

⁷² Там же, кн. 16, л. 407.

⁷³ Там же, лл. 408, 521, 546об., 767об.

⁷⁴ Там же, л. 757об.

⁷⁵ Там же, кн. 16, лл. 409, 411, 640, 716.